

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

С О В Е Т С К А Я ЭТНОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

VI—VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

А. Н. Бернштам

Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии¹

1

Изучение роли и значения тюркского этногенеза стояло в поле внимания ориенталистов, пожалуй, еще с середины XVIII в. Однако следует подчеркнуть, что до недавнего прошлого решение этих проблем не отвечало на прямо поставленный вопрос, — как шел процесс образования тюркских народов. Общие для индоевропейистики метафизика и идеалистическая философия являлись методологическими установками для решения вопроса о происхождении народов.

Несмотря на огромное значение тюркских народов, вопрос об их сложении и развитии до сих пор находится в весьма сыром состоянии. В настоящей статье мы ставим себе задачу рассмотреть только некоторые важные вопросы из области тюркского этногенеза, главным образом в связи с имеющимися в нашем распоряжении новыми материалами.

Сложение тюркского этнического типа датировать трудно. Во всяком случае к рубежу нашей эры, точнее к сложению гуннского племенного союза, уже фиксируется историками несомненная тюркская речь.² Этническая проблема скифов не вышла за пределы гипотез. Спор о тюркизме или иранизме скифов столь же древен, как и самая ориенталистика. Решение этих проблем содержится в археологических материалах.

Несомненно, что тюркский этногенез, связанный с развитием кочевничества, имеет в качестве своих сопутствующих компонентов определенные явления культуры. К таковым могут быть отнесены черты, нащупанные наукой, мы бы сказали, чисто эмпирически.³

Прослеживая по археологическим памятникам историю развития кочевых обществ и выявляя автохтонный процесс их развития, мы приходили к выводу, что там, где, начиная с эпохи бронзы, шел процесс формирования кочевого общества, там конечным результатом процесса являлся тюркский этногенез. Это в грубых чертах обрисованное положение по мере развития археологических исследований превращается из гипотезы в закон. Всякие отклонения от этой линии или осложнения другими явлениями общественного развития и культурного влияния дают другой результат этногенеза.

¹ Переработанный доклад, сделанный на сессии по этногенезу Средней Азии в 1942 г. в Ташкенте.

² К. Иностранцев. Хунну и Гунну. Ленингр. ин-т живых вост. языков. Л., 1926.

³ Мы имеем в виду такие явления, как тип жилища, орнаментальный декор. характер утвари и т. д.

Исходя из этой посылки, укажем на ряд характерных примеров для аргументации намеченного утверждения.

Прежде всего история центральноазиатских держав, когда она имела своим основанием происхождение в пастушеско-скотоводческом хозяйстве, приводила к тюркскому этногенезу (гунны — орхонские тюрки). Там, где кочевая культура имела своими истоками первоначально охотничье хозяйство, там мы имеем дело с сильной монголизацией процесса (жужане, кидане, монголы). Конечно, нельзя не принимать во внимание и процесс скрещений, ассимиляций, культурных влияний и тому подобных явлений. Среднеазиатский этногенез также разделяется на два отличных района: этногенез в районах с преобладанием земледельческой культуры — иранский — и в местах обитания со скотоводческим хозяйством — тюркский. В полном согласии с этим стоят и замечания Н. Я. Марра в его работах по поводу этногенеза якутов и в работах, посвященных изучению народов Сибири, когда Н. Я. Марр отмечает связанность тюркского этногенеза с кочевым скотоводством.¹

Сходство и различия в этногенезе имели своим результатом схождения и расхождения языковых явлений.

Указанная особенность тюркского этногенеза заставляет уйти для разрешения данного вопроса далеко в глубь, в эпоху бронзы.

На обширной территории от Красноярска до Ордоса, от Енисея до Сыр-Дарьи в эпоху бронзы почти везде мы наблюдаем процесс развития пастушеских скотоводческих обществ, в недрах которых складывались в органической связи друг с другом общества, давшие основу для сложения тюркских народов.²

Укажем на основные положения, из которых надо исходить при характеристике начальных этапов тюркского этногенеза.

Поскольку в гуннском племенном союзе мы с несомненностью сталкиваемся с четко выраженными проявлениями тюркского этногенеза, постольку в происхождении гуннов содержится ответ на древнейшие этапы тюркского этногенеза вообще.

II

Гуннский племенной союз является завершением длительного и сложного развития первого общественного разделения труда. Истоки этого процесса восходят к неолиту; территориально он тяготеет к пространству, разделенному р. Хуанхэ.

Уже в эпоху неолита мы наблюдаем расщепление культуры Яньшао, находящейся в тесном взаимоотношении с культурой Селенгола, представляющей собой типичное развитие кремневой индустрии, характерной для охотничье-скотоводческого хозяйства.³ В последующих этапах развития мы наблюдаем, как постепенно обособляются кочевые скотоводческие племена от земледельческих племен Северного Китая. Так, еще слабо расчленена инская бронза, в пиктограммах которой начинается процесс сложения будущего звериного стиля Северного Китая.⁴ Но со времени бронзы карасукского типа и «скифской» культуры различия между кочевниками и земледельцами становятся особо ощутимыми.

¹ Рукопись Н. Я. Марра о якутах хранится в его архиве при ИИМК.

² Ср., например, Arne. Die Wege über Steppen. Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, т. I.

³ Egami Nard Mizunos, Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis, т. I, Tokyo, 1935.

⁴ C. Sowerby. Animals in Chinese Art. Journ. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, т. LXVIII, 1937.

Когда в Ордосе складывается бронза карасукского облика,¹ синхронная ей бронза Китая, архаического и среднего Чжоу,² весьма своеобразна и отлична. Носители степной бронзы (племена жуны) в это время входят в соприкосновение с тунгусо-маньчжурской группой племен — позднейших дун-ху. Таковы жунские племена: шань-жуны, гуань-жуны, икюйские жуны.

К VII в. до н. э. эти племена, согласно полулегендарным свидетельствам китайской истории, входят в соприкосновение с северокитайскими племенами и, что характерно, принимают наименование «байди» и «чиди», т. е., очевидно, несут в себе черты динлинского северокитайского этнического слоя. Эти сообщения относятся к тому времени, когда возникает пышная скифская культура типа находок из Сюань-Хуа (Хубэй) и Люан-Бина (Пекин),³ не без влияния которой в Китае на смену культуре архаического и среднего Чжоу появляется культура стиля «Хуай».⁴ В последней мертвые геометрические формы орнамента, воспроизводящие красочные росписи керамики Яньшао, начинают наполняться живыми реалиями, идущими из этой скифской культуры.

Процесс скрещения не прекращается и позднее, наглядно документируясь в памятниках Муянчэна⁵ и в соотношениях культур поселений в Ордоса и Наньшаньли.⁶ Сопоставляя с данными археологии свидетельства древнекитайских летописей, восходящих к записям на бамбуках, приходишь к выводу, что так называемые легендарные части летописи исходили из смутных представлений о реальной действительности. В самом деле, неоднократные свидетельства об уходе в степь жителей Китая, от которых происходили отдельные племена жунов, впоследствии гуннов, типа шуньвэй или гунлю, увязываются с нашими представлениями о расщеплении первоначального слоя динлин и отделении кочевников от земледельцев. Хронологически указанные связи жунов с ди также подтверждаются в памятниках скифской поры. Резкому этническому обособлению жунов от населения Северного Китая способствовало, вероятно, скрещение жунов с тунгусо-маньчжурским населением. Быстрота этих ассимиляций обеспечивалась тем, что племена этой поры, как свидетельствуют китайские источники, жили небольшими группами, только в редких случаях включавшими «до 100 семейств».⁷

И когда назрел окончательный конфликт между несовместимым для той поры комплексным существованием кочевников и земледельцев, тогда этот процесс, обусловленный также внутренним процессом развития кочевников и земледельцев, завершается началом строительства Великой китайской стены, установившей материальный рубеж между гуннским племенным союзом, с одной стороны, и Китаем династии Цинь — с другой.⁸

Наброшенная в самых общих чертах картина развития кочевников показывает, что тюркоязычный гуннский племенной союз как древнейшее проявление тюркского этногенеза есть результат сложных и длительных процессов. Во-первых, это результат расщепления динлинского слоя и

¹ См. статью Andersson в BMFEA (1932). (The Hunting Magic in the animal stule).

² B. Karlgrenn. New Studies on Chinese Bronzes. BMFEA, IX, 1937.

³ Материалы из этих комплексов опубликовал Arne в BMFEA, № 5.

⁴ B. Karlgrenn. Указ. соч.; см. его же в BMFEA, 13.

⁵ Материалы изданы в японской серии Archaeologia Orientalis.

⁶ Там же.

⁷ Ши-цзи, гл. 110; Цянь-Хань-шу, гл. 96а.

⁸ A. I. Tcheppe. Histoire du Royaume de Ts'in. Variétés Sinologiques, № 27, Chang-Hai, 1909, стр. 271.

выделения кочевников от земледельцев. Во-вторых, это процесс скрещения выделившихся кочевников с монголоидными, тунгусо-маньчжурскими племенами. В-третьих, это непрерывающийся процесс взаимоотношения кочевников и земледельцев.

Гуннскому племенному союзу выпала доля и первого этапа расширения сферы тюркского этногенеза, где он выступает в роли ускорителя автохтонных процессов тюркского этногенеза в северных областях: южной Сибири, Алтае и Семиречье.

III

Развертывающиеся исследования в Семиречье показали, что памятники эпохи бронзы на этой территории являются локальным вариантом широко распространенного круга памятников, укладываемых в известные три этапа развития бронзы: афанасьевский, андроновский и карасукский.

Количество пунктов в Семиречье, где обнаружены памятники эпохи бронзы, из года в год увеличивается. Зарегистрированные ныне свыше 50 точек находок памятников эпохи бронзы вышли из территории казахстанского очага бронзовой культуры и отмечаются также на территории Тянь-Шаня, как северного, так и центрального.¹

Киргизстанская бронза связана с казахстанской и южносибирской, но имеет свои местные отличия. Находки отдельных орудий, форм для литья, стоянки и т. п. показывают, что северокиргизская бронза — не продукт расселения казахстанских обществ, а автохтонно развивающаяся культура, так как наряду с общими явлениями включает в себе локальные черты.²

В отличие от северокиргизской бронзы памятники этого периода, происходящие из Ташкентского оазиса, имеют весьма любопытную отличительную деталь — измельчение форм.³ На памятниках эпохи бронзы Ташкентского оазиса наглядно выступают черты окраинной культуры кочевого мира, где скотоводство уступало место земледелию, победившему (особенно позднее) и вытеснившему кочевую культуру из районов от Ферганы до Хорезма.

Аналогичные явления можно было бы показать и по другим районам Азии, на примерах Центральной Азии и Китая, пустыни Такла-Макан и оазисов Алтын-Тага,⁴ но это не входит в задачи настоящей статьи. Исследования показали, что поздние этапы бронзы и памятники эпохи ранних кочевников-скифов по Минусинскому краю и Алтаю имеют несомненную связь. Более того, памятники скифского типа являются прямым результатом развития культуры эпохи бронзы. Эти наблюдения, прочно вошедшие в науку, находят свое подтверждение в памятниках Семиречья. Так, открытая нами каргалинская культура наглядно показывает генетическую связанность бронзы Алексеевского и Узун-Агачского типов со скифской культурой, причем последняя воспроизводит от первой конструкцию погребения (каменный ящик), бронзовое оружие (листовидный с уступчиком нож) и круглодонную посуду.⁵

¹ А. Бернштам. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942. См. также: Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943.

² Там же, стр. 4. Ср. А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 20 и сл.

³ Материалы не изданы. Хранятся в кабинете археологии Истафа Среднеазиатского университета.

⁴ Публикацию материалов см. у А. Stein в Innermost Asia. Oxford, 1928, t. I, стр. 85 и сл.

⁵ А. Бернштам. Археологический очерк, стр. 24—25.

Каргалы VIII в. до н. э. развивается в погребение типа Айритан на Таласе, исследованное Гейкелом,¹ и Кара-Чоко в Илийской долине, исследованные нами и относимые к V—IV вв. до н. э.² В целом ряде элементов проходит красной нитью последовательная связь и преемственность форм.

Памятники саков Семиречья нашли свое отражение в многочисленных находках случайного происхождения и в раскопанных археологами объектах.³ Нашими исследованиями обнаружено, что в сакском инвентаре бытуют формы, в порядке преемственности идущие от эпохи бронзы, и наряду с этим происходит накопление новых форм и явлений. К таковым важно отнести сложение круглодонной и шаровидной посуды, известной под именем усуньской, с той лишь разницей, что для времени саков эта посуда делается из отдельных грубо спаянных полос, а во втором случае она принимает более правильные и законченные формы благодаря лепке по шаблону.

В культуре саков Семиречья наглядно выступают черты культурных влияний Ирана и Китая, ярко прослеживаемые в памятниках сакского времени, происходящих из Семиречья. Например, в кладе из Тюпа, особенно в бляхе с антилопами и кабанами,⁴ в исык-кульских жертвенниках с процессиями и борьбой зверей,⁵ в находках из Нарына (золотая бляшка с изображением яка),⁶ в сукулукской пряжке с геральдически поставленными львами⁷ и т. п.

При всех этих наслоениях сакская культура не только сохраняет связь с эпохой бронзы, но в то же время является основой для культуры усуней, широко распространенной в Семиречье⁸ и вышедшей за пределы Семиречья двумя клиньями: в Ташкентский оазис в виде бургулюкской культуры⁹ и в Фергану в период распада культуры Давань.¹⁰

Вышесказанное наше суждение покоится на анализе раскопок многочисленных курганов Таласа, Чуйской долины, Исык-Куля и Илийской долины.

Материалы из этих курганов располагаются в хронологический ряд от III в. до н. э. до I в. н. э. В качестве представителей ранних памятников в этой группе являются Бурачинские курганы и Берк-Кара I, поздними — Кара-Чоко II, Каргалы II, Чильпек, Беркара II. Примыкают к этой второй группе усуньские варианты культуры Давань и Бургулюк.

Наконец, последними звеньями этого процесса являются памятники I тысячелетия нашей эры, среди которых должны быть отмечены в хронологической последовательности: 1) Джуван-тепе (р. Или) и Терскул

¹ Н. Heikel. Alterthümer aus dem Tale des Talas in Turkistan; Travaux Ethnographiques. 1918, табл. II.

² См. наш отчет об экспедиции 1939 г. в КСИМК, 4, Л., 1940.

³ А. Бернштам. Археологический очерк, стр. 24 и сл.

⁴ Хранится в Историческом музее в Москве, воспроизведения в Ленинграде (Архив ИИМК).

⁵ Хранятся в Отделе востока Гос. Эрмитажа.

⁶ Хранится в Музее национальной культуры киргизского народа, г. Фрунзе.

⁷ Там же.

⁸ М. Воеводский и М. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 3/4, 1938.

⁹ А. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 9, 1940.

¹⁰ Т. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН СССР, 10, 1940. Наша датировка усуньской культуры Давань несколько иная, чем у цитируемого автора. Мы относим эти памятники к рубежу нашей эры.

(р. Талас); 2) Узун-Булак (р. Чарын) и Чуйские погребения; 3) кочкарские находки (Тянь-Шань).¹

В Семиречье, так же как на Алтае и на Енисее, к рубежу нашей эры относится вторжение в последовательные линии развития местных культур центрально-азиатских явлений в виде погребений типа Оглахты (на Енисее),² Яконур, на Алтае,³ Кенкол в Семиречье, — явно связанных с гунно-сяньбийской средой.⁴ Племенные образования кочевников (гуны и сяньби) в скрещении с местными племенами дают весьма аналогичные результаты, и Кенкол находит себе аналогии в инвентаре находок Стейна на Лобноре,⁵ Таштык — в погребениях и поселениях Муянчена и Наньшаньли в Корее, исследованных Кошито Харада и Казушико Комой (Муянчен), Козаки Хамада и Шимада (Наньшаньли).⁶ Это скрещение центральноазиатских держав с племенами южной Сибири и Семиречья дает в результате племена тюркской группы, т. е. кочевников-скотоводов, говорящих на тюркских языках.

Древнейшие свидетельства об этническом происхождении и языке, а также о названиях этих племен весьма немногочисленны, но доказательны. Наличие тюркских элементов в гуннском племенном союзе — явление общеизвестное.⁷

В результате синтеза динлинского пласта яфетического слоя с кочевыми центральноазиатскими племенами явилось создание тюркских племен южной Сибири и Семиречья. Роль центральноазиатских племен в этом процессе выявляется как элемент ускорителя. Мы подчеркиваем — как ускорителя, ибо спонтанное развитие динлинской группы племен, как показывает археологический материал, приводит к формированию тюркских племен и в том случае, если пути развития связаны только с кочевым хозяйством местных племен. Материалы южной Сибири и Семиречья дают достаточные этому доказательства (массагеты — эфталиты — тюрки).⁸ Характерно, что всюду, где мы впоследствии фиксируем тюркские народности, первоначально был динлинский слой племен (динлины — европеоиды Енисея и Алтая, памиро-ферганский тип усуней на Тянь-Шане). Тюркский этногенез, совпадающий по времени с вторжением гуннов и сяньби, вначале вносит в эту среду монголоидные элементы, которые кажутся диковинными на фоне европеоидного типа динлин. С победой же тюркского этногенеза эти европеоидные черты, наоборот, становятся странными в массе тюркского населения. И если первое обращало на себя внимание китайцев, то второе не прошло мимо мусульманской литературы.⁹

В Семиречье, где были блестящие условия развития кочевого скотоводства, тюркский этногенез шел особенно интенсивно. Последователь-

¹ Кочкарские находки хранятся в Гос. Эрмитаже. Одно из первых воспроизведений см. Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Археол. комиссии за 1882—1898 гг., а также Strzygowski. *Altal-Iran und Völkerverwanderung*. Leipzig, 1917, стр. 294 и сл.

² Г. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. Пробл. ист. матер. культуры, № 7—8, 1933.

³ М. Грязнов. Раскопки на Алтае. Сообщ. Гос. Эрмитажа, I, 1940.

⁴ А. Бернштам. Кенкольский могильник. Гос. Эрмитаж, 1940.

⁵ A. Stein. *Innermost Asia*, т. III, см. табл. XXIII и сл.

⁶ См. издание в серии *Archaeologia Orientalis*.

⁷ М. нашу статью «Происхождение турок». Пробл. ист. докапиталистич. обществ, № 5—6, 1935, стр. 50 и сл.

⁸ С. Толстов. История народов СССР, т. I, глава об эфталитах.

⁹ Например, Таншу отмечает среди киргизов Енисея «потомков Лилина» — лиц с черными волосами и темной окраской глаз, а Гардизи (XI в.), наоборот, отмечает светловолосых и рыжих среди киргизов, принимая эти черты как свидетельство древних связей со славянами. О монголоидности на Тянь-Шане в связи с кенкольской культурой см. Е. Жиров. Об искусственной деформации черепа. Краткие сообщ. ИИМК, VIII, 1940, стр. 85.

ная цепь спонтанно развивающихся кочевых обществ, начиная с эпохи бронзы вплоть до создания тюркского каганата, свидетельствует об этом.

Семиречье выявляется в Средней Азии как узел, центр тюркского этногенеза. Отсюда еще в первой половине I тысячелетия нашей эры особенно интенсивно начали итти на запад племена, в свою очередь, определившие пути и скорость тюркского этногенеза среди других областей Средней Азии, быть может, и некоторых областей, расположенных южнее и восточнее (Алтай и Северотаримские оазисы, например Куча).

IV

Древнейшие этнонимы тюркских племен восходят по свидетельствам письменных данных к III в. до н. э. Для этой поры их количество минимально (2—3), но главным образом потому, что они отложились в китайских сочинениях, а историческая фонетика китайского языка — это еще дело будущего. Не останавливаясь на фактах и сопоставлениях, приведенных в специальной литературе (здесь прежде всего должны быть упомянуты имена Аристов, Пельо, Маркварта и многих других),¹ — укажем на то новое или вносящее поправки, что удалось нам внести на основании изучения этих первоисточников.

Прежде всего хочется отметить для наиболее раннего периода имя племени кыпчак, широко известное в средневековые века народности, вошедшей в состав казахских орд. Кыпчаки упоминаются уже в памятниках VIII в. как жители юго-восточного Алтая (в Селенгинском камне, открытом Рамstedтом).² Однако более ранние известия о кыпчаках содержатся в хорошо известном китайском тексте о завоеваниях Модэ Шаньюя, когда перечисляется пять племен, покоренных Модэ на север от территории гунинов.³ Среди этих племен в современном произношении китайских иероглифов фигурируют племена «цзюе ше». Однако эти иероглифы в старокитайском произношении звучали, если верить Берхарду Карлгренну,⁴ как «кыйчак». Нетрудно видеть в этом имени этнонима «кыпчак», тем более что речь идет о племенах, под тем же названием фигурирующих в VIII в. в Селенгинском руническом тексте. Опыт исследования исторической китайской фонетики показал, что китайцы очень точно передавали произношения названия иноземных племен. Достаточно ясно это следует, например, из точного восстановления произношения этнонима гэлोलу, т. е. карлуки. По существу соответственные иероглифы, составляющие транскрипцию этнонима «карлук», должны произноситься не «гэлोलу», а точно «ка-р-лук». Факты можно было бы намного увеличить. В этой связи следует снова рассмотреть после Радлова и Маркварта вопрос о племенах гаогюй.⁵

Китайская транскрипция этнонима гаогюй появляется сравнительно рано. Уже в эпоху владычества жуаньжуаней (т. е. при династии Бэй-

¹ Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897. Из многочисленных работ Пельо см. прежде всего его статью в журн. «Toung Pao» (т. XVI, 1915), L'origine de Toung-Kiue, nom chinois des Turcs; J. Marquart. Ueber das Volkstum der Komanen. Berlin, 1914, и мн. др.

² Г. И. Рамstedт. Перевод надписи Селенгинского камня. Труды Троицко-Кяхт. отдел. Приамурск. отд. РГО, т. XV, в. I, 1912, стр. 40, строчка 4.

³ Цянь-Хань-ш у, гл. 94, л. 8.

⁴ В. Карлгрэнн. Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923.

⁵ В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1891; J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Вэй) эти племена известны Китаю. Гаогюй — это транскрипция этнонима уйгур. Племена гаогюй претерпели целый ряд ударов со стороны центральноазиатских держав и в силу этого оказались рассеянными по большой территории.

Так, в конце V в. племена гаогюй оказались разбитыми на две части, причем одна часть жужанским каганом Дэулуном и Ногай-ханом была вытеснена в степи Казахстана, другая оказалась отброшенной в Центральную Азию. Западно-гаогюйские племена появились в Восточной Европе, где они известны историкам раннего средневековья под именем угров с различными атрибутивными префиксами (он, ут, сары, кут). Южная группа гаогюй еще сохраняла свое название уйгур. В дальнейшем эта группа племен была разбита еще на две части: одна из них оказалась на Селенге и стала известной под именем токуз-огузов и уч-огузов, а вторая, сохраняя древнее название уйгур, оказалась в положении коренного населения Восточного Туркестана.

Таким образом, первоначальная конфедерация племен гаогюй впоследствии оказалась расчлененной на три большие группы: западную, южную и восточную. Первоначальный этноним уйгур также испытал модификацию. Термин уйгур, точнее гур или угур (так как «уй» здесь также атрибутивный префикс), в силу закона тюркской фонетики утерл свою ротацирующую форму и принял «зекающее» окончание. Древнему «гур» соответствует более поздняя форма «гуз». Процесс этот совершенно аналогичен формам соответствия, например, чувашского и любого другого среднеазиатского тюркского языка, в соответствиях хер-кыз, тахар-токуз и т. п.

Очевидно, что древние гузы и являлись родоначальниками многочисленных племен гузов или огузов, часть которых стала впоследствии предками различных тюркских племен Средней Азии, в том числе и туркменов. Естественно, что в процессе образования тюркских племен Средней Азии участвовали многочисленные компоненты, но гузы были весьма сильны, во всяком случае — настолько, что их этноним в X—XII вв. был господствующим. Аналогичный процесс произошел и с восточными гузами. Основная же часть гузов, которая пребывала на юге, в Восточном Туркестане, сохранила свое старое фонетическое произношение.

Как указано в тюркологической литературе, термин огуз восходит к названию быка — тотемного животного.¹ Имя и образ его запечатлены легендами, записанными Юань-ши и Джувейни, и отражен в изобразительном искусстве (бляхи из Ноин-Ула).² Очевидно, судя по ноин-улинским находкам, племена гаогюй достаточно древнего происхождения.

Распространение племен тюркского типа обязано во многом событиям, предшествующим сложению западнотюркского каганата. Существенное значение в его развитии, видимо, сыграла конфедерация племен толес, которая, как следует из последних работ Хенинга,³ сыграла существенную роль и в тюркизации северной части Восточного Туркестана. Характерно, что китайцы включали в конфедерацию племен толес племена, расселенные вплоть до Паноннии, часть которых, как показал еще Хирт, никакого отношения к тюркам не имела.⁴ Однако такое представ-

¹ А. Бернштам. Происхождение тюрков. Пробл. ист. докапиталистич. обществ, № 5—8, 1935; С. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. Там же, № 9—10, 1935.

² А. Бернштам. Изображение быка в находках из Ноин-улинских курганов. Пробл. ист. докапиталистич. обществ, № 5—6, 1935, стр. 27 и сл.

³ Toxli and Argi, BSOS; IX; см. рецензию И. Умнякова в ВДИ, 3/4, 1940.

⁴ F. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq. Alttürkische Inschriften der Mongolei, Zweite Folge.

ление составителей Суй-шу весьма характерно. Оно подчеркивает огромное значение толесской конфедерации, основу которой составили уйгурские племена, которые, как мы только что показали, из Семиречья двинулись на запад и вошли в тесные взаимоотношения с племенами нетюркской группы. В это время, видимо, и произошли процессы отуречивания эфталитской группы племен.

V

Если к началу I тысячелетия уже сложились тюркские племена, то с появлением первой формы классового общества складываются тюркские народности.

С формированием классов племенные союзы первобытнообщинного строя уступают место народностям; это положение достаточно ясно сформулировано Ф. Энгельсом, который писал: «афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из туземных народов Америки: вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ».¹ Для тюркских народов этот период в основном начинается в VI в.²

Для истории этногенеза этот период имеет особо важное значение. Прежде всего этот период важен потому, что наряду с сохранением старого племенного деления появляются «общенародные» элементы, а политическая власть того или иного племени над остальной массой племен (или данной тюркской народности над другой) несла за собой распространение частного явления на массу других племен. Вместе с тем большее значение имели культурные влияния и заимствования, когда последние находили себе поддержку в лице той или иной правящей верхушки.

Укажем на целый ряд важнейших явлений в этой области из серии тех, которые не нашли должного отражения в научной литературе.

В тюркском этногенезе Средней Азии ведущее значение имели тюрки Семиречья. Они объединили в западно-тюркском каганате ряд тюркских племен, накапливающихся в Семиречье издавна. Языком западнотюркского каганата стало одно из жекающих наречий, которое с течением времени подчинило себе все остальные йокающие.³ Характерен в этом отношении один пример, дающий основание датировать этот процесс VI в. Господствующим племенем Семиречья в V в. было племя юебань,⁴ ведущее свое происхождение от потомков северных гуннов, проникших в Семиречье в конце I в. н. э. Эти племена юебань в VI в. входят в конфедерацию дулу под этнонимом чубань. Несомненно, что юебань и чубань — это один и тот же этноним с закономерным видоизменением йокающей формы в жекающую.

Распространение власти западнотюркского каганата над племенами западнотюркского каганата повлекло за собой и исчезновение старых этнонимов. Так, этноним усунь, еще отмечаемый китайскими послами Гао-Мин и Тунжоань в 436 г.,⁵ исчезает в VI в. Его сменяет не термин нушеби, как это предполагал Аристов сугубо гипотетически,⁶ а близкий ему термин «он-ок», т. е. «десять стрел», как именовались западные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 89.

² См. мою работу: Социально-экономический строй орхоно-енисейских турок VI—VIII вв. н. э., М.—Л., 1946.

³ А. Бернштам. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра», Л., 1938.

⁴ F. Hirth. Ueber die Wolga Hunnen und Hiong-nu, стр. 268.

⁵ Вэйшу, гл. 102, л. I.

⁶ Н. Аристов. Цит. соч., стр. 24.

тюрки в рунических и китайских текстах. Пять племен входили в конфедерацию дулу, пять — в нушеби. Термин «усунь» для этого времени становится атавизмом, образным выражением. Последнее нам становится ясным из одного рунического текста — текста Тоньюкука. В нем есть следующий абзац:

«Sandun ba(lyqqa) talui ü(güz)ä tägürtim,
Üč otuz balyq sančdy,
Usyn bundatu jürtta jatu qalur ärti
Tabıaç Qağan jaγımyz arti
Onoq qany jaγımyz ärti». ¹

Как видно из этого текста, термин «усунь», подобно термину «шандун», становится географическим понятием, в то время как «опоц» и «tabıaç» выступают как этнонимы.

Сложение западнотюркского каганата и его политическая активность сыграли значительную роль в тюркском этногенезе Средней Азии. С этого времени начинается сильная тюркизация земледельческих областей Средней Азии; если так можно выразиться, произошел культурно-этнический взаимообмен между иранским и тюркским этническими мирами. Так, тюркизация междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи начинается особенно активно со времени Далобяна или Аброя.

Политическая история этого периода и его значение отражены с необходимой полнотой и по-новому в работе С. Толстова.² Этот эпизод имеет особенно большое значение и в этническом отношении как факт массового проникновения тюрков в Среднюю Азию. Не случайно соответствующие слои городищ Зеравшана содержат массы статуэток с изображением тюркского этнического типа. Таковы находки из Афросиаба,³ Талибарзу⁴ и т. д. В это же время начинается поток влияний согдийской культуры в Семиречье, что находит свое отражение в массовых находках статуэток с тематикой зороастрийского пантеона и с изображением согдийцев, брактеатов с сасанидскими орнаментами, окаймляющими разные этнические типажи. Здесь можно обнаружить галерею портретов от Византии до монголоидного владыки включительно.⁵

Синкретизм других явлений мы уже отмечали в своей статье «Согдийская колонизация Семиречья».⁶ Согдийские влияния на Семиречье были сильны, но уже к концу XI в. они уступали тюркскому этническому элементу, как об этом повествует Махмуд Кашгарский.⁷

Меньше было культурное влияние тюрков на Согдиану, но и там этнически (правда, позднее) тюрки становятся «хозяевами» этногенеза. Очевидно, что политическая власть была одним из важнейших факторов в успешном исходе тюркского этногенеза Средней Азии. Успех тюркского влияния в Средней Азии был обеспечен тогда, когда в города проникала тюркская среда. Последнее в Семиречье началось при карлуках и стало господствующим явлением при караханидах. В Мавераннахре этот процесс начался при караханидах и достиг мак-

¹ Alttürkische Inschriften der Mongolei, Zweite Folge.

² С. Толстов. Тирания Аброя. Историч. записки, т. III, М.—Л., 1939.

Ср. А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

³ С. Treguer. Terracotas from Afrosiab. М.—Л., 1934.

⁴ Т. Григорьев. Поселения древнего Согда. Краткие сообщ. ИИМК, вып. VI; ср. Труды Отдела востока Гос. Эрмитажа, т. II.

⁵ А. Бернштам. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942.

⁶ Краткие сообщ. ИИМК, в. VI, 1940.

⁷ См. в статье В. Бартольд. К вопросу об языках согдийском и тохарском. Иран, т. I.

симального успеха при тимуридах. Это запоздание объясняется тем, что в Семиречье тюркские племена примерно на два столетия раньше стали жителями городов. Они на два века раньше, чем в Мавераннахре, определили свое влияние на культуру городов, а город оставался всегда носителем культурного влияния на страну. Когда тюркское население стало хозяином городов Мавераннахра, то обеспечена была и господствующая роль тюркского этногенеза в Средней Азии.¹

В этот период мы имеем дело с процессом расширения тюркизации, т. е. влияния тюркского этногенеза, сложившегося в главном районе тюркского этногенеза — в Семиречье.

Из оседлых, земледельческих районов Средней Азии раньше всех подверглась влиянию тюркского этногенеза Фергана. Судя по источникам китайским и уйгурским, этот процесс начался еще в VII в. (в 659 г.), когда Фергану завоевывают племена из конфедерации дулу.² Тюркизация Ферганы с той поры уже не прекращалась, и в 739 г., когда против Таласа выступает некто Арслан Таркан, чигиль по происхождению, то посвященная ему рукопись манихейского содержания написана на уйгурском, т. е. тюркском, языке.³

VI

Вышеизложенное позволяет сформулировать ряд общих положений:

1. Тюркский этногенез — результат развития динлинского слоя племен, протекающий в условиях кочевого скотоводства. Оформление тюркских племен происходит в условиях скрещения о центрально-азиатским компонентом, северокайским по своему происхождению. Время: от начала III тысячелетия до н. э. вплоть до начала нашей эры.

2. Тюркский этногенез завершается (формирование народности) в условиях сложения первого рабовладельческого государства среди кочевых племен. Время: VI—VIII вв. н. э.

3. С установлением политической власти тюркских племен и народностей убыстряется процесс расширения тюркского этногенеза. Время: VII—VIII вв. н. э.

4. С приобщением тюркских племен к городской жизни и сохраняющимся значением сельской кочевой округи (наряду с земледельческим хозяйством иранского населения) происходит втягивание городского населения в процесс тюркского этногенеза. Время: для Семиречья VIII—XII вв., для Мавераннахра XI—XIV вв.

5. Тюркский этногенез проходил в условиях тесной культурной связи кочевников с иранским и китайским миром, нашедшей наиболее полное выражение в VI—VIII вв. н. э.

Центром тюркского этногенеза Средней Азии было Семиречье, главным образом южное.

¹ А. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Труды ИАИ, в. III, ч. I; W. Barthold. 12. Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Die Welt des Islam, Bd. 14—15, 1932.

² См. А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941.

³ A. Le Qoq. Türkische Manichaica aus Chotscho I. Anhang AKAW. Berlin, 1911.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

б909 ж

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

2

1 9 5 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

А. БЕРНШТАМ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Настоящая статья вызвана необходимостью не только подытожить накопившиеся за последние годы материалы, но и поставить на обсуждение научной общественности некоторые принципиальные вопросы этногенеза одного из народов Средней Азии — киргизов, запутанные под влиянием ошибочных положений Н. Я. Марра, якобы направленных против национальной ограниченности, а на деле способствовавших развитию ложных, буржуазно-националистических концепций.

Крайний автохтонизм Н. Я. Марра способствовал развитию взглядов, согласно которым предки той или иной народности оказывались только там, где эта народность обитает в настоящее время. Так, например, вне учета восточных инфильтраций в лице тюркоязычных племен и народностей Южной Сибири и Центральной Азии, некоторые авторы рассматривали носителей андроновской культуры казахстанских степей как прямых предков казахов. При этом не учитывалось, что, по археологическим и антропологическим данным, ближайшими «потомками» андроновских племен были на западе савроматы, на востоке сакские племена, и те и другие ираноязычные. Только в результате ассимиляции часть сакских племен стала тюркоязычной. Андроновская культура в какой-то части вошла в состав культуры казахов, но язык, расовый тип не могли возникнуть здесь в результате трансформации. Процесс был намного сложнее.

Последователи Н. Я. Марра решали эту проблему просто. Андроновские, а также более поздние племена — сакские, савроматские — объявлялись «яфетическими». Из «аморфно-яфетического» состояния в результате «взрыва» появились, с одной стороны, ираноязычные, с другой — тюркоязычные племена. Так поступал и автор настоящей статьи¹. Вслед за Н. Я. Марром я полагал, что общность экономической базы порождает обязательно общую этническую принадлежность, т. е. упрощал, обеднял конкретно-исторический процесс, что нашло свое наиболее яркое отражение в моей специальной работе, посвященной проблемам тюркского этногенеза². К сожалению, последняя работа оказала влияние и на некоторых других историков, которые либо прямо опирались на мои выводы, либо, выступая с критикой моих положений, видели источник ошибок не в том, в чем следовало.

¹ А. Н. Бернштам, Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, «Изв. АН Каз. ССР, сер. археол.», вып. 2, 1950.

² А. Бернштам, Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, Сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947.

Ошибочные концепции нашли отражение в ряде статей и докладов, где под флагом борьбы с космополитизмом отрицались культурные связи казахов, киргизов и т. д. с другими народами Средней Азии. Некоторая часть научных работников Киргизии и Казахстана особенно протестовала против концепции о согдийской колонизации Семиречья и ее роли в развитии городской и земледельческой культуры этой страны. К сожалению, протесты не сопровождались аргументами, и голословная критика повисала в воздухе.

Теория автохтонизма сыграла заметную отрицательную роль в изучении истории народов Средней Азии. Многие из нас трактовали происхождение народов Средней Азии от «генеалогического древа», выросшего исключительно на той же почве, на которой сформировались современные народы, фактически отрицая культурные связи народов Средней Азии.

Преодоление ошибок, допущенных как автором настоящей статьи, так и другими исследователями, должно сопровождаться позитивным решением вопроса. Именно эту цель и преследует предлагаемая статья, в которой автор, учитывая критические замечания по поводу его прежних работ, пытается предложить характеристику некоторых основных этапов истории сложения киргизской народности. Автор опускает здесь общую характеристику проблем тюркского этногенеза, чему посвящена другая специальная работа.

Этнические и культурные общности в условиях Средней Азии в районах оседло-земледельческого хозяйства складывались скорее и прочнее, чем в районах скотоводческих. Другими словами, у оседлого населения Средней Азии, в частности у таджиков, элементы национальной культуры сложились раньше, чем у кочевников. Из этого отнюдь не следует, что кочевники развивались по каким-то особым законам истории. Речь может идти только о конкретных путях, темпах и времени сложения этнических особенностей.

Если для I тысячелетия до н. э. мы можем говорить об этнических именах предков современных народов, то мы еще не можем ничего с уверенностью сказать об этнической принадлежности этих народов. Сармат-аланы первых веков н. э. — это еще не туркмены, древние киргизы Енисея III в. до н. э. — это еще не тяньшанские киргизы, бактрийцы конца I тысячелетия до н. э. — это еще не таджики. Об этом С. П. Толстов говорил на сессии по этногенезу народов Средней Азии в 1943 г.: «При наличии очень давно сложившихся историко-территориальных общностей, на базе которых из разнородных, аборигенных и пришлых этнических элементов шел процесс консолидации современных среднеазиатских народов, ни один из этих народов не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности. Наоборот, как правило, как древние местные, так и пришлые народы вошли в различных пропорциях в состав нескольких, а иногда и всех народов Средней Азии, а частью и народов за ее пределами»³.

На данном этапе наших исторических знаний мы еще не всегда можем точно установить, какое этническое ядро было основным при сложении той или иной народности Средней Азии. Несомненно, что в сложении таджикского народа сыграли большую роль прежде всего саки, бактрийцы, согдийцы и тохары, но до сих пор неясно, кто из этих племен и народностей был носителем древнетаджикского языка. Кроме бактрийцев, язык которых неизвестен, остальные этнические группы говорили на северно-иранских языках, между тем таджикский язык относится к западноиранской (по другой терминологии, южноиранской) ветви. Совершенно ясно, что культура Согда имела огромное значение в формировании культуры узбеков, но согдийцы были ираноязычны, следовательно, «трансформиро-

³ Сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 304.

ваться» в тюркоязычных узбеков они не могли и, очевидно, были «отюречены» по языку другими тюркоязычными племенами, вероятнее всего, из числа племен Западнотюркского каганата и особенно карлуками. Но поставить знак равенства между племенами Западнотюркского каганата или карлуками, с одной стороны, и узбеками, с другой — нельзя, так как известно, что значительная часть племен Западнотюркского каганата, например, конфедерация племен дулу, вошла в состав казахских дулатов. В деталях этот процесс еще не известен. Осмысление его только еще намечается, и то, что известно, заставляет отвергать попытки прямых отождествлений современных народностей с одной из древних. Не следует забывать различие путей сложения культуры и особый путь развития языка — главного показателя этнической принадлежности.

Различные тюркские племена, чаще всего южносибирского (алтайского), центральноазиатского и особенно семиреченского происхождения, смешавшиеся с кушанскими и согдийскими племенами среднеазиатского Междуречья, заложили основы узбекской народности еще в пору Западнотюркского каганата VI—VIII вв. Эти скрещивания еще более усилились в период караханидов, на территории государства которых сложились узбеки, вплоть до XVI в. не перестававшие впитывать другие племена.

Сходный с узбеками и почти одинаковый по времени процесс претерпели туркмены, в образовании которых решающую роль сыграли огузы, объединившие группу местных сармато-аланских и эфталитских (гуннских) племен.

Быть может, наиболее молодыми образованиями являются казахи и киргизы, у которых при наличии древних предков и ранних государственных образований процесс сложения народности был прерван монгольским завоеванием, а затем тормозился слабым развитием земледельческой культуры и рядом особых конкретно-исторических условий. Одним из таких тормозящих условий явилось расселение киргизов за пределы Енисея и Южной Сибири и долгое подчинение их различным другим народам.

Все народы Средней Азии, а особенно казахи и киргизы, исторически сложились из разных племен, народностей и рас. В отношении киргизов, например, письменные источники отмечают различие в антропологических особенностях на протяжении только одного тысячелетия. Я имею в виду описание гянгунь на рубеже н. э. китайцами и киргизов в XI в. в сочинении Гардизи. Именно у кочевых народов особенно разительны скрещивания, отмечаемые не только данными письменных источников, но прежде всего этнонимикой этих племен. Оставляя в стороне все возможные реконструкции племенных названий в китайской транскрипции, укажем, что этнонимика отражает многие общие племенные названия у киргизов, с одной стороны, и у казахов, узбеков, туркмен, с другой: например, толес, дулу, канглы, конграт, монгол, джалаир, кытай и другие. Это свидетельствует об известной общности этнического состава, о разделении ряда древних племен и вхождении их отдельных частей в различные этнические образования. Не случайно поэтому во многих проявлениях национальной культуры этих народов наблюдаются этнографическое родство, общность сюжетов в фольклоре и т. п. — прямой результат общности их исторического развития.

Особенность этногенеза киргизов заключается в том, что их формирование шло на двух территориях: по берегам Енисея и на Тянь-Шане. Более древней ветвью киргизов является енисейская. Процесс развития киргизских племен на Енисее привел их в эпоху возникновения классового общества к созданию собственного государства и к сложению специфических черт культуры, в частности, рунической киргизской письменности на так называемом литературном языке орхонских тюрков⁴. По-

⁴ См. С. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952.

литическая и экономическая изолированность енисейских киргизов и самостоятельный путь их исторического развития способствовали расширению экономической основы их хозяйства и возникновению своеобразных черт в их быту. Существенную роль в этом сыграло появление у них земледелия как подсобной отрасли хозяйства, а также городов-ставок и развитого ремесла, особенно металлургического.

Енисейские киргизы развивали экономические связи и с соседними областями, о чем достаточно ясно свидетельствуют данные письменных источников и памятники материальной культуры. Вспомним хотя бы известное указание китайской летописи Таншу для VII—VIII вв. о том, что киргизы были «всегда в дружественных связях с Даши (арабы, Средняя Азия.— А. Б.), Туфанью (Тибетом) и Гэлолу (карлуками Семиречья)»⁵. И далее: «Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли раз в каждые три года»⁶.

Экономические связи осуществлялись также в результате военных операций, которые нередко завершались военно-политическими союзами, о чем, например, прямо говорит руническая стела в честь Кюль-Тегина, повествуя о киргизском вожде Барсбеге. В ней сказано, что тюрки «даровали ему титул кагана и дали ему (в супружество) мою (Кюль-Тегина.— А. Б.) младшую сестру — княжну»⁷. Военные походы енисейских киргизов приводили их на юг, в степи Монголии и к границам Китая, и на запад — на Алтай и в Семиречье. Прямым следствием этих походов было, во-первых, включение в состав киргизов иноплеменных элементов, прежде всего племен Алтая, и в связи с этим появление некоторых культурно-бытовых черт некиргизского происхождения; во-вторых, это привело к заимствованию киргизами некоторых черт культуры из Китая и Средней Азии, что ясно прослеживается в памятниках искусства. К примерам первого порядка следует отнести «жекающий» киргизский язык, отличающийся от «йюкающего» языка письменности; наличие в киргизском фольклоре (эпос «Манас») упоминания о территории Алтая как родине отца Манаса — Жакыпа. Вспомним, наконец, указание летописи Таншу о том, что государство киргизов «на восток простиралось до Гулигана (курыкане Прибайкалья.— А. Б.), на юг до Тибета, на юго-запад до Гэлолу (т. е. Семиречья.— А. Б.)»⁸. Среди примеров второго порядка отметим такие выдающиеся памятники искусства, как бронзовые накладки на чепрак седла из Копенского Чаатаса, в которых археологам С. В. Киселеву и Л. А. Евтюховой удалось с достаточной убедительностью проследить и переднеазиатские и китайские мотивы⁹.

В процессе военных походов и приобщения к другим культурам совершенно неизбежно происходила утрата некоторых самобытных черт культуры. С точки зрения тюркских каганов это представляло большую опасность. Напомню в этой связи замечательные слова текста Кюль-Тегина и Бильге-хана, с которыми они обратились к своим дружинам: «У китайского народа, дающего (нам теперь) без стеснения (нас) столько золота, серебра, зерна и шелка, (всегда) была речь сладкая, а дары мягкие; прельщая сладкой речью и роскошными дарами, они столь сильно привлекали к себе далеко (жившие) народы; (те же) поселясь вплотную (с китайцами), усвоили себе там «образованность».

⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 355.

⁶ Там же.

⁷ Записки Восточного отд. Русского археологического общества (в дальнейшем цитировании ЗВО), XII, вып. 2—3, стр. 69. Ср. С. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 58.

⁸ См. Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. I, стр. 354.

⁹ См. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

(Однако истинно) хороших, мудрых, людей, добрых витязей они не (могли) сдвинуть (с места): но уж если один кто-нибудь (из тюрок) со-блазнялся в этом отношении, то они (китайцы и их сторонники) не отпу-скали его (более) к его челядинцам, к его народу, к себе на родину. Дав себе прельстить их сладкой речью и роскошными дарами, ты, о тюркский народ (и на моей памяти) погиб в большом количестве. О, тюркский на-род, (такова была) твоя гибель; когда ты, о тюркский народ, желал селиться справа (на юге) не только в Чугайской черни, но и в Тунской равнине, это была твоя гибель, (ибо) там «образованные» люди так подстрекали тебя, говоря «Кто живет далеко, дает плохие дары, кто жи-вет близко, дает хорошие дары», этими словами они так (сильно) под-стрекали тебя (поселиться рядом с китайскими). И вот вы, люди, не об-ладавшие (истинной) мудростью, послушавшись этой речи и, подойдя вплотную (к китайским пределам), погибли (там) в большом количестве.

Итак, о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Утукенской стране (Хангай), лишь посылаешь караваны (за подарками), а сам остаешься в Утукен-ской черни, где нет богатств, (но) нет и стеснения (со стороны китайцев), то ты можешь жить, поддерживая свой вечный племенной союз»¹⁰.

Эта тема не нова. Характерно, что еще при гуннах (II в. до н. э.) шаньюя Лаошан Цзюя его советник Чжунсинюе предостерегал от при-общения к китайской культуре следующими словами: «Численность гун-нов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные, и не зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычаи, и любишь китай-ские вещи. Если Китай употребит только $\frac{1}{10}$ своих вещей, то до единого гунны будут на стороне дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумаж-ные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеянья. Получив от Китая съестное, не употребляйте его и тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им»¹¹.

Как видно, еще во II в. до н. э. и в аналогичной киргизам среде стоял вопрос о сохранении своих этнических особенностей, обычаев и быта. Эти тексты раскрывают значение самобытности, цементирующей общ-ность народа.

Значение военных походов енисейских киргизов далеко не исчерпыва-лось указанными экономическими обстоятельствами. Их следствием было проникновение части киргизов на Тянь-Шань, особенно усилившееся в VIII—X вв., когда окончательно укрепляется тяньшанская ветвь киргизов. Напомню основные данные о переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань¹². Появление енисейских киргизов на Тянь-Шане связано с движением Чжичжи шаньюя в 49—47 гг. до н. э., когда первые группы киргизов осели в Северном Притяньшанье (долина Таласа). В начале III в. н. э. китайский источник Вэйлио отмечает наличие западной ветви гяньгунь (киргизов) в районе Семиречья. Киргизский вождь Пицзе Туньге Гинь (VII в.) на Енисее находился в генеалогическом и брачном родстве с представителями тюркешской и карлукской знати Семиречья. Для того же времени характерно наличие в Семиречье рунического ени-сейско-киргизского письма и памятников материальной культуры (Коч-корский клад, украшения сбруи, одежды, оружия), в значительной степе-ни аналогичных енисейским. Имеются совершенно определенные указа-ния таких источников, как «Худуд-ал-Алам» и сочинение Истахри о пре-бывании киргизов на Тянь-Шане в X в., причем «Худуд-ал-Алам» упоми-

¹⁰ ЗВО, т. XII, вып. 2—3, стр. 61—62, Ср. С. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 34—35.

¹¹ Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. 1, стр. 57—58.

¹² См. А. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941

нает к северу от Тянь-Шаня «город киргизского хана»¹³. Однако эти свидетельства, отмечая постепенное накопление киргизских племен на Тянь-Шане, еще не дают нам оснований говорить об их преобладании здесь ни в этническом, ни в культурном, ни в политическом отношении, особенно в домонгольский период.

Анализ эпических сюжетов, языка, орнамента и памятников материальной культуры Тянь-Шаня этих периодов, а также современная этнография киргизов ярче всего отражают алтайские сюжеты и аналогии, свидетельствуя о движении киргизов через Алтай и степи Монголии. Кроме указанных выше археологических и письменных фактов, эти сюжеты ярче всего представлены в эпосе «Манас»; существенные данные в этом плане дает и киргизская этнонимика, на что обращал внимание Н. Аристов¹⁴. В VI—X вв. они просачивались на Тянь-Шань под водительством «князей-удачников», не создав, однако, на Тянь-Шане собственного государства. Переселившиеся на Тянь-Шань енисейские киргизы, скрещиваясь по пути с племенами Алтая и Центральной Азии, проникали в этнически чуждую среду, попадали в культурную и политическую зависимость от местных тяньшанских этнических и государственных образований. В древности это были усуни, позднее — западные тюрки, тюркешы, карлуки и в первую очередь согдийцы. Это были также уйгуры, ягма, каракаиты и другие этнические массивы.

Именно в этой среде и в культурных связях с ней (прежде всего с племенами и народами Средней Азии и оазисов Восточного Туркестана) развивалась история киргизов Тянь-Шаня в домонгольский период. Киргизское племенное меньшинство, приходившее с Енисея, неизбежно попадало под воздействие большинства коренных племен и народов Тянь-Шаня, часть которых стояла на более высоком экономическом и культурном уровне. Естественно, что больше всего родства могло появиться у древних киргизов с кочевыми обитателями этой страны.

Археологические исследования в Семиречье и на Тянь-Шане¹⁵ позволяют раскрыть следующие основные этнические и культурные события на этой территории, начиная со II тысячелетия до н. э. и особенно с сакского периода. Во-первых, сложение местной этнической основы, которую мы именуем сако-усуньской, представленной погребениями в грунтовых ямах под перекрытием кромлехообразного типа. Во-вторых, систематические и непрекращающиеся взаимодействия племен Тянь-Шаня с южносибирской этнокультурной средой, что документируется, в частности, каменными могилами, погребениями под накатами из бревен и двукамерными могилами. Южносибирские связи прослежены со II тысячелетия до н. э. до X в. н. э. В-третьих, начиная с рубежа н. э., — появление центральноазиатского этнического компонента, представленного катакомбной культурой Тянь-Шаня, причем район распространения этих племен в основном совпадает с современным расселением киргизского народа. В катакомбной культуре мы видим очень много черт родства с культурой киргизов. Происхождение катакомбной культуры Средней Азии весьма сложно. Носители этой культуры, по всей вероятности, племена гуннского союза, подверглись сильному воздействию со стороны сармато-аланских и иных племен Средней Азии и Казахстана. Чем позднее катакомбы III—V вв. н. э., тем меньше в них удерживаются элементов культуры центральноазиатского происхождения, тем больше черт сармато-аланской культуры. С середины

¹³ В. Бартольд, Худуд-ал-Алем, Л., 1930; V. Minorsky, Hudud al Alam, London, 1937. Указатели.

¹⁴ Н. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», в. III—IV, 1896.

¹⁵ См. наши работы: Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941; «Археологический очерк Северной Киргизии», Фрунзе, 1941; «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня», сб. «Советская археология», т. XI, Л., 1949; «Чуйская долина», МИА, 14, М.—Л., 1950.

I тысячелетия н. э. отмечается бурное развитие оседлой земледельческой культуры и ремесла, связанное с проникновением сюда прежде всего согдийцев из среднеазиатского Междуречья.

Кочевые племена, в связи с отсутствием у них многих отраслей производства (особенно земледелия), добывали недостающие им предметы потребления путем обмена или войн с оседлым населением и тем самым знакомились с культурными навыками последнего. Так, влияние согдийского мастерства ярче всего проявлялось в строительном деле и керамическом ремесле. Наряду с согдийским влиянием в западном Тянь-Шане столь же активно выступает влияние Ферганы, о чем говорят строительная техника и содержание культурных слоев в городищах Тянь-Шаня (Чалдывар на р. Манакельды, Токуз-Тароу, крепость Ширдакбек, Кошой-Курган и др.).

Вторым важным условием, определившим этногенез тяньшанских киргизов, — была политическая власть тяньшанских государств над киргизами: Западнотюркский каганат VI—VIII вв., карлукское государство VIII—X вв., караханидское XI—XII вв., каракитайское XII в. У нас нет никаких данных утверждать, что эти государства были киргизскими. Наоборот, есть все основания утверждать, что киргизы подчинялись этим государственным образованиям. Эти государства расчленили киргизские племена, в силу чего в состав древних киргизов (как и узбеков, казахов) вошли другие этнические компоненты, причем этот процесс в XIII в. еще не завершился. Напомню такие этнические названия домонгольского периода, как кущу-гэшу, нушиби-усунь, толес и другие; или же послемонгольского периода, как монгодор, монгуш, кипчак, найман, аргын и т. п.¹⁶

Это свидетельствует о том, что процесс складывания киргизской народности продолжался и в послемонгольский период, что в состав киргизских племен входили все новые и новые этнические массы, несшие и новые элементы будущей национальной культуры киргизов. Вот почему материальная культура, искусство и фольклор киргизов, наряду с древними киргизскими мотивами, хранят и те элементы культуры, которые только со временем стали киргизскими. Культура киргизов, взятая во всем ее многообразии, показывает, какие этнические пласты вошли в состав киргизского народа еще до того, как киргизы начали играть некоторую политическую роль на Тянь-Шане в XVI в.

В процессе формирования киргизского народа особенно большое значение имело массовое переселение енисейских киргизов на Тянь-Шань в IX—X вв. Именно в X в. западные авторы начинают выделять на Тянь-Шане киргизскую этническую группу, окончательно возобладавшую в послемонгольский период. Будучи кочевниками, обитателями горных долин Тянь-Шаня, они легче, чем оседлое население городов, перенесли удар монгольского завоевания. Они впитали в себя разнообразные тюркские племена на этой территории: ведь ираноязычное население этого района — согдийцы — были растворены в карлукском Семиречье уже в XI в., а Фергана начала «отюречиваться» с середины VII в., о чем говорят китайские письменные источники и эпиграфический материал. Этнический состав населения Тянь-Шаня становился более или менее однородным уже с VI—VIII вв. н. э. и особенно с XI—XII вв., поэтому в состав киргизов Тянь-Шаня входили уже «отюреченные» ираноязычные племена, например, согдийцы.

Таковы, на наш взгляд, основные этапы этнической истории киргизов Тянь-Шаня. Они резко отличаются от этнической истории киргизов Енисея. Иначе, чем на Енисее, протекала также и социально-экономическая и политическая история киргизов.

¹⁶ См. Н. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... «Живая старина», 1896, вып. III—IV.

Переселение киргизов на Тянь-Шань происходило постепенно. Исторические источники позволяют ясно выделить два основных этапа: I в. до н. э. и VIII—X вв. н. э. Можно предположить, что третий этап переселения имел место при каракитаях и монголах, когда окончательно складывалась основная этническая масса киргизов на Тянь-Шане. Естественно, что такой постепенный процесс заселения киргизами Тянь-Шаня не мог привести к коренному изменению сложившихся на Тянь-Шане социально-экономических отношений. Так как археологические разыскания характеризуют киргизские племена главным образом в качестве сельской «кочевой округи», то мало вероятно, что их экономика и социальный строй являлись ведущим укладом в историческом развитии Тянь-Шаня. Мне представляется возможным дать периодизацию истории тяньшанских киргизов на основе общей периодизации исторического процесса на Тянь-Шане и в Семиречье. Эту периодизацию я пытался неоднократно формулировать в своих историко-археологических работах. В общих чертах она сводится к следующим основным этапам, имея в виду в основном период до XVIII в.

Первый этап — это киргизы Тянь-Шаня в составе сако-усуньских и гуннских племенных союзов Тянь-Шаня и Семиречья, быть может, также горной Ферганы и Алая, — как кочевая военно-демократическая периферия государственных центров Средней Азии, в первую очередь Ферганы, Ташкентского оазиса, отчасти Согда и средней Сыр-Дарьи. Только в этом аспекте следует рассматривать роль предков киргизов в «эллинистическом» и кушанском периоде среднеазиатской «античности».

Второй этап — V—VI вв. н. э. В Семиречье складываются свои оседло-земледельческие центры (Чу и Талас), по отношению к которым древнекиргизские племена среди других кочевых племен Тянь-Шаня сохраняют ту же роль кочевой периферии.

Третий этап — феодальный период; в Западнотюркском каганате, у тюркешей, а особенно в карлукском государстве VIII—X вв., происходит процесс втягивания киргизских племен в русло феодального развития. Этот процесс усиливается в результате проникновения новых групп киргизских племен с Енисея с несомненно более высокоразвитыми общественными отношениями, чем у киргизов Тянь-Шаня. Наличие указания на город киргизского хана («Кыргыз хан») ¹⁷, усиление территориально-общинных связей, складывание отдельных территориальных групп киргизов, южных и северных, дают основание предполагать стабилизацию на базе развивающихся феодальных отношений некоторых черт, свойственных новой этнической категории — народности. Недоразвитость этих отношений позволяет называть период IX—X вв. раннефеодальным периодом в истории тяньшанских киргизов и первым этапом сложения киргизской народности на Тянь-Шане. В этот период государственные образования соседних народов стали преградой на пути самостоятельного государственного развития киргизов и их территориального сближения. Оставались не связанными синьцзянская, ферганская и тяньшанская ветви киргизов, не говоря уже об енисейской. На их пути стояла феодальная раздробленность каракитайского и караханидского государств, где киргизы продолжали оставаться в подчиненном положении. Это составляет четвертый этап их истории ¹⁸.

Пятый этап. Если в XV—XVI вв. киргизы, активно борясь за свою независимость, заслужили у своих угнетателей прозвание «диких львов Мо-

¹⁷ В. Бартольд, Худуд-ал-Алем, л. 186.

¹⁸ Совершенно не изучена синьцзянская группа киргизов, а киргизы в Синьцзяне, в притибетских районах имелись уже до X в. См. публикации тибетских документов: F. W. Thomas в JRAS, январь 1927, стр. 55; октябрь 1927, 817; 1928, 96. Особенно важны эти данные для истории южных киргизов.

гулистана», о чем сообщает нам Мухаммед Хайдар, то власть Могулистана и калмыков над тяньшанскими и приферганскими киргизами была той препоной, которая не дала развиваться им в единую народность. Изоляция киргизов от оседло-земледельческих центров, экономическая обескровленность, политический гнет задерживали как распад патриархальных, так и развитие феодальных отношений, создав стабилизацию полупатриархальных-полуфеодальных отношений.

Шестой этап. Перекочевки киргизов с Тянь-Шаня в Синьцзян в XVI в., с Тянь-Шаня в Фергану в XVII в., нарушение их территориальной целостности, бесконечные расчленения племенных массивов киргизов и вхождение их различных частей в разные государства (Коканд, Китай, Казахские ханства) приводили к дополнительному смещению, разрыву нарастающего этнического единства, нарушению процесса создания экономической и культурной общности. Период, предшествовавший присоединению киргизов к Русскому государству в середине XIX в., особенно XVI—XVIII в., является периодом борьбы киргизов за независимость в условиях патриархально-феодальной раздробленности. Этот период достаточно ярко рисуют источники от Тарихи-Рашиди (XVI в.) до китайских Сиюй тучжи или Сиюй вэньцзяньлу (XVIII в.).

Китайские источники XVIII в. показывают племенную раздробленность киргизов. Они не только отмечают их деление на западных и восточных (очевидно, соответствующее в основном разделению их на группы адыгене и тагай), но и показывают внутриплеменное деление со стойкими военно-демократическими традициями. Источник Сиюй вэньцзяньлу сообщает, что «владельцы (цзюнь) их называются би. Иные би имеют от десяти до двадцати аманей (аулов), а другие — до тридцати аманей и людей (жэнь), которые называются их рабами (кулан). Хотя все называются бурутами, но би у них не один. Владелец (цзюнь) имеет свою землю и своих подданных (мин). Все равносильны и не зависят друг от друга (бусян). Когда би умирает, ставят на его место (другого) би, его сына или брата, и другие люди не могут занять его место»¹⁹. Очевидно, последняя фраза характеризует наследственность только в пределах племени или рода, так как в отношении больших объединений власть вождя не передавалась по наследству. Отмечу в связи с этим другое место из Сиюй тучжи. Текст гласит: «Все эти вожди (тоу) независимы друг от друга. Ежегодно они выбирают одного главу — старейшину (чжан), который занимается общим управлением и которому все подчинено. Тот вождь (тоу), который стал старейшиной (чжаном), называется Мамук Кули. Он только временно во главе племени (бу)»²⁰.

Приведенные факты наглядно показывают, особенно если учесть широко известные сообщения, извлеченные В. В. Бартольдом из ираноязычной и тюркоязычной литературы, что в XVIII в. киргизы еще не вышли из полупатриархальных-полуфеодальных отношений. Патриархально-феодальная раздробленность, законсервированная у киргизских племен в послемонгольский период, и была тем решающим условием, которое мешало окончательному сложению киргизской национальной культуры. Раздробленность, которую пытались преодолеть еще в XIX в. такие деятели, как Ормонхан, была также условием, определившим скрепление киргизов с другими племенами в течение двух тысяч лет, неустойчивость их этнического облика, возможность проникновения в их среду иных этнических и культурных элементов. Это и составляло своеобразие этнических особенностей тяньшанских киргизов, объясняемое своеобразием их исторического развития.

¹⁹ А. Бернштам, Источники по истории киргизов XVIII в., «Вопросы истории», 1946, 11—12, стр. 128.

²⁰ Там же.

* * *

Я попытался в самых общих чертах охарактеризовать основные моменты древней истории и этногенеза киргизского народа, которые, как мне представляется, объясняют особенности развития тяньшанской ветви киргизов.

Несомненно, что в образовании современных киргизов Тянь-Шаня основное ядро составляли племена енисейских киргизов. Численность тяньшанских киргизов увеличивалась не только за счет перекочевки енисейских киргизов, не только за счет естественного прироста населения, но в значительной степени и за счет ассимиляции киргизами кочевого, отчасти оседлого населения Тянь-Шаня. В истории киргизов Тянь-Шаня многое проясняется в свете марксистской концепции о складывании народов из различных племен, народностей и рас. Характерно, что современные наши знания о расовом составе населения Тянь-Шаня и Памиро-Алая, т. е. области расселения киргизов, позволяют отметить большое разнообразие расовых типов. Еще более разнообразны черты культурного развития Тянь-Шаня и Семиречья. Так, известно наличие в Семиречье различной письменности — согдийской, сирийской, арабской, рунической, тюркской, китайской, уйгурской, санскритской и т. д. В памятниках материальной культуры достаточно ясно выступают черты различного происхождения художественных традиций и ремесленных навыков, особенно в строительном деле, живописи, скульптуре, а также в металлургии и гончарстве.

Если кочевая культура аборигенов Тянь-Шаня и Семиречья складывалась из местных элементов, взаимодействовавших с центральноазиатскими и южносибирскими, то оседлая, особенно городская, культура складывалась в результате взаимодействия местной кочевой и оседлой среднеазиатской (согдийской и сырьдарьинской) культуры. Явления местной кочевой культуры особенно ярко прослеживаются с эпохи бронзы до X в. н. э., а оседлой среднеазиатской — с V до X в. н. э. После X в. это многообразие культурных скрещиваний резко сокращается, меньше выявляется различие в этнокультурных элементах Тянь-Шаня. Это дает право полагать, что с этой поры начинается, прежде всего среди кочевого населения, сложение типических черт культуры киргизов. Однако и X век еще не является веком окончательного сложения киргизской культуры и киргизских племен на Тянь-Шане.

Значит ли все это, что народы Тянь-Шаня и их культура должны рассматриваться как абсолютно чуждые киргизской культуре? По-моему, нет. Поскольку это была та среда, где кристаллизовались киргизские племена, поскольку этнические группы саков, усуней, племена гуннского союза, карлуков и т. д., с их культурой, языком, обычаями были той средой и теми компонентами, из которых складывалась киргизская народность, постольку их история явилась в известной мере историей тяньшанских киргизов. Вот почему историки имеют право, анализируя киргизский орнамент, киргизский фольклор, киргизскую этнонимистику, восстанавливать этилагаемые киргизской народности наряду с их древним основным этническим ядром. Но, называя те или иные памятники древнего Тянь-Шаня сакскими, усуньскими, гуннскими, согдийскими и т. п., мы не можем называть их киргизскими, так как в то время еще не сложилась собственно киргизская культура Тянь-Шаня, а саки, усунь, гунны, согдийцы вошли в состав не только киргизов, но и других народов. Не называя их культуру киргизской, мы вместе с тем с полным правом называем все эти явления культурным наследством киргизского народа. Собственно киргизской культурой Тянь-Шаня до сложения киргизской народности следует считать культуру енисейско-киргизских элементов на Тянь-Шане, выявляющуюся в немногочисленных пока еще памятниках раннего средневековья.

Невозможно познать историю сложения киргизскѣй народности, если изолировать ее от той общественной среды, в которой киргизские племена существовали, в контакте с которой они развивались. Учитывая особенно большие переселения киргизских племен, их частое раздробление и смешивание, нельзя не признать, что возможности для такого контакта у них были особенно велики.

Учет всего многообразия конкретных фактов, оказывавших влияние на сложение киргизскѣй народности,— обязательное условие восстановления исторической правды.
